

Особенно интересны в рассмотрении этих вопросов попытки автора наметить существенные различия между пафосом трагизма и драматизма, вытекающими из соответствующих противоречий в человеческих характерах и отношениях. Понимание специфики этих разновидностей пафоса может ограничить те явные злоупотребления термином «трагизм», которые очень часто встречаются в наших историко-литературных работах. Интересна также глава, в которой выделяется понятие «романтики» как разновидности пафоса из тех различных значений, которые получил в нашей научной литературе термин «романтизм». Автор обнаруживает целых пять таких значений и справедливо указывает, что современному литературоведению не к лицу такая небрежность в пользовании терминами, препятствующая ясности научной мысли. Такая ясность особенно важна для теории социалистического реализма. В ней пафос романтики часто фигурирует под названием «романтизм», но «романтизмом» же нередко называют и принцип художественного отражения жизни, отличный от реализма. Происходит смешение важнейших понятий.

В упрек этой части книги можно сказать одно. В общем определении пафоса автор правильно говорит о его зависимости от объективной противоречивости жизни и от идеалов писателя. А в характеристике разновидностей пафоса, в особенности в примерах, явно превалирует первая из этих зависимостей и в малой мере учитывается вторая.

Теория пафоса и его видов очень помогает автору книги в разработке проблемы жанров. Выступая против сведения жанра произведений к особенностям их формы, автор предлагает различать жанровые формы и разновидности жанрового содержания, в определении которых он отвлекается от пафоса произведений и исходит из исторически повторяющихся свойств их проблематики. Жанровыми формами эпоса он считает эпические песни, сказки, повести (в широком смысле слова) и поэмы, указывая, что все они могут выражать разное жанровое содержание. А разновидности последнего он видит в категориях, уже расчлененных в «Эстетике» Гегеля, и принятых нашим литературоведением, — в произведениях с мифологической, героической (эпической) и романтической проблематикой. Но автор выделяет в этом ряду и новую категорию — произведения с «наравоописательной» или, по его терминологии, «этологической» проблематикой. Он относит к ним всякое художественно-очерковое творчество, а также те произведения, которые внешне похожи на романы, а по существу «наравоописательны» (Рабле, Свифт, «Мертвые души» Гоголя и т. п.). Это, видимо, теоретическая новация автора книги, которая, быть может, войдет постепенно в обиход историко-литературных исследований, для чего есть все основания. При всем том автор

не забывает и о жанровом разделении произведений по объему изображаемой жизни, — о различиях между былинной и эпической, новеллой и романом, очерком и очерковым «обозрением» с единством проблематики и рассказчика, и т. п. Таким образом, жанры классифицируются по четырем — включая и родовые различия — перекрестным принципам деления, и такая сложная схема, вероятно, ближе к истине, чем распространенное в наших учебниках количественное деление жанров.

Но вообще предлагаемая классификация жанров больше удалась автору применительно к истории эпоса как литературного рода. Глава о жанрах в лирике и слишком мала, и кажется менее удачной. Но наибольшие возражения вызывает применение тех же принципов классификации к жанрам драматургии, возражения, вытекающие из веками сложившихся привычек мысли. Литературоведам надо будет еще долго осваиваться с представлениями о том, что трагедия — не жанр, что это — пьеса с трагизмом как разновидностью пафоса и что она может заключать в себе существенные различия в своем жанровом содержании. То же относится и к жанру драмы.

В заключительной главе книги автор стремится методологически связать все рассмотренные типологические понятия с понятиями исторически конкретными. Основным из этих последних понятий для автора является не понятие литературных направлений, в которых произведения часто бывают лишены единства своего идейного содержания, а понятие «идейно-литературных течений», в которых произведения обладают таким единством и отчетливее обнаруживают свою национально-историческую стадийность. На примере идейно-литературного течения русской дворянской революционности, включающего в себя, по мнению автора, творчество Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Герцена и ряда других менее значительных писателей, просматриваются конкретные особенности пафоса, жанров, принципов художественного отражения жизни, закономерно возникших в их произведениях в связи с особенностями их идейного содержания в его целом. Однако этот пример должен быть признан слишком коротким и поэтому недостаточно обоснованным, нуждающимся в более углубленных и подробных доказательствах.

В целом теоретическая книга проф. Г. Н. Пospelова очень интересна. Она должна быть предметом тщательных обсуждений и теоретических дискуссий в наших научных и педагогических кругах. Но каковы бы ни были результаты этих обсуждений, мимо этой книги не сможет далее пройти ни один ученый, разделяющий принципы конкретно-исторической методологии и изучающий поставленные в этой книге проблемы.

Н. Ф. Вельчиков